

Знакомая во Львове, у которой мы остановились, пошла и донесла.

Андрей - 2002 - июль - с. 14-15.

Инна Александрова

Эдди Рознер, он же Адольф Игнацы, Ади, он же Эдди Игнатевич, он же Пинхас Бен Ицхак Рознер – родился в Германии, записал свои первые пластинки во Франции, превратился в живую легенду в Польше, возглавил Госджаз Белоруссии и стал её заслуженным артистом, был самым знаменитым, самым обласканным артистом советского джаза 40-х годов, в этом качестве был арестован и отрубил семь лет в колымских лагерях. После ГУЛАГа пролетел короткий московский период. Попытки догнать джаз и упущенное время. Вернулся на родину, в Берлин, но и там признание не вернулось.

Алексей Баташев,
заслуженный деятель
искусств России,
председатель Российской гильдии джазовых критиков

ЖАРКОЕ ЛЕТО 1947 ГОДА. СЕВЕРНЫЙ Казахстан. Кокчетав, областной центр, а по сути – бывшая казачья станица. Огромным ножом-косарем скоблю-мою высокое деревянное крыльцо. Мне пятнадцать лет. Окребу со всем усердием и вдруг... необыкновенной красоты женщина является передо мной. Она ничуть не похожа на местных жительниц не потому, что как-то по-особому одета. Нет, на ней обыкновенное темное платье. Но она инопланетянка всем своим обликом, статью, какой-то необыкновенной утонченностью. Женщина волнуется, плачет, руки трясутся: больна её маленькая дочь. Незнакомка спрашивает, здесь ли живет доктор. Доктор – моя мама.

Через несколько дней вечером, после работы, мама рассказывает историю этой женщины.

Рут – поселенка, доставлена в Кокчетав по этапу. Её муж – Эдди Рознер, известный джазмен и руководитель оркестра – арестован. Сама она тоже отсидела какое-то время в тюрьме. Ребёнка ей привезла знакомая – подруга матери. Как будут жить – не знает. Существуют на деньги, что присылает из Польши мать – известная актриса Ида Каминская.

– Мы должны были через Львов выехать в Польшу, в Варшаву, где живёт мама, но Пономаренко, первый секретарь ЦК компартии Белоруссии, не отпускал, – рассказывала Рут. – Уходил последний эшелон, и тогда мы решили без разрешения покинуть СССР. И всё бы вышло, если бы не наша знакомая во Львове, у которой мы остановились. Она пошла и донесла. Эдди арестовали тут же, а когда на следующий день я отправилась в коммандатуру – не выпустили и меня.

Западня

Символ запретного Запада

Эдди в Хабаровске. Осуждён по статье 58-1 (а), обвинён в шпионаже в пользу Германии. Десять лет. Мне дали пять вольного поселения. Скажите, объясните, за что? За то, что хотели вернуться домой, в Польшу? Это такой большой грех? Мы ведь в 39-м бежали в Союз от нацизма. Считали, СССР – самая свободная, самая демократическая страна. А теперь, когда решили вернуться, – нас в тюрьму. Это демократия?

ИЗ ПОЛЬШИ РОЗНЕР С РУТ И ОРКЕСТРОМ попали вначале в Белосток, потом в Минск. Для советских людей война была ещё далеко, и минские газеты восторженно писали о выступлении оркестра. Благоволили и власти. Глава Белоруссии Пономаренко обеспечил финансирование, в коллективе появились струнная группа и кордебалет – невиданное дело для довоенной советской эстрады. На одном из минских заводов изготовили особую усилительную аппаратуру. От репрессий 40-го года, когда началась "чистка" польских иммигрантов, из оркестра никто не пострадал. Во время войны оркестр из шестидесяти человек в двух отдельных вагонах разъезжал с концертами по всему Белорусскому фронту. Возили с собой и детей – негде было оставить.

А после Победы почти все оркестранты захотели вернуться на родину, в Польшу. Хотели этого и Рут с Рознером: клетка, пусть и золотая, всё равно клетка, а не дом. Вскоре им дали это почувствовать.

В августе 46-го Госджаз оркестр БССР под управлением Рознера записал на грампластинку танго Эдди Игнатевича "Прощай, любовь". Название оказалось пророческим: через четыре дня в "Известиях" появилась статья: музыка оркестра Рознера – "махровая пошлость; оркестр играет произведения, которые не отвечают вкусу советского слушателя; полнейшая безыдейность". И заключение: "оркестр – не наш, ему место в третьесортных варьете на задворках Европы".

После триумфальных приёмов, после доброжелательной прессы это был шок. Рознер бросился к Пономаренко. Тот не принял его. В августе 47-го оркестр перестал существовать...

Слово "джаз" уже приводило в трепет музыкальных критиков. Все они только и следили, как бы не отозваться о нём положительно. Фокстрот стали называть "быстрым танцем", блюз – "медленным". Начиналось время, которое Леонид Утёсов окрестил "эпохой административного разгибания саксофонов". Мысль